

МАУК «Межпоселенческая центральная библиотека
Очёрского муниципального района»
Поэтическое объединение «Очёрская лира»

Вдохновение

Выпуск 3

*Избранные материалы
VI – х Спешилловских
литературно-художественных чтений*

Очёр, 2017

ББК 84(2=411.2)6

Редакционная коллегия:

Т. А. Дрозд,
Е. О. Шадская.

Вдохновение : лит.-художеств. сб. / Сост. И. З. Мезенцева. - Очёр :
МАУК «МЦБ» : Инновационно-методический отдел, 2017. – 51 с.

От редакторов

Дорогой читатель! Вот уже в шестой раз прошли на Очёрской земле Спешилдовские литературно-художественные чтения. Среди писателей и поэтов западного Урала стало доброй традицией собираться вместе в одну из сентябрьских суббот, чтобы окунуться с головой в мир литературы, приобщиться к творчеству своих собратьев по перу, обменяться опытом и мнениями, да и просто набраться впечатлений для новых творческих свершений.

Издание, которое вы держите в руках, включает произведения участников VI Спешилдовских чтений, избранные экспертной комиссией. В него вошли плоды трудов уже знакомых вам авторов и тех, кто впервые представил на суд читателя своё творчество.

Разные по возрасту, образованию и социальному положению, авторы обращаются в своих стихах и прозе к самым разным темам – любви к Родине, природе, братьям нашим меньшим; в их текстах живёт оптимизм и боль, радость и отчаяние, философские раздумья и сиюминутные наблюдения.

Для удобства восприятия материал сборника поделен на два раздела: «Поэзия» и «Проза». Произведения в них расположены в алфавитном порядке фамилий авторов. Тексты приведены в авторской редакции.

Надеемся, что этот сборник послужит источником вдохновения для ещё большего количества талантливых литераторов Прикамья. Приятного прочтения!

Редакционная коллегия

ПОЭЗИЯ

Анфалова Нина, п. Зюкайка, Верецагинский район

Мои земляки

В деревеньке моей не держали запоров,
Вечерами собачий не слышался лай.
Был весёлый да добрый у жителей норов –
Заиграет гармонь – подходи, запевай!..

Выйдут бабы, в нарядные платья одеты,
Мужики запалят папирос огоньки,
И завяжутся плавные нити беседы,
И затянутся песни, широки и звонки...

Уж за полночь по избам своим разойдутся,
Разговора тепло уносить не спеша,
Чтобы с солнышком снова на поле вернуться,
Чтоб в работе звенела и пела душа!

На любую работу сноровки и быстры,
А беда у кого – на подмогу легки.
Были крепки на слово и душами чисты
Неприметные с виду мои земляки.

Бабенко Вера, г. Очёр

Памятник солдату-освободителю

Стоял солдат, отлитый в бронзе,
В чужой, далёкой стороне,
Над ним светило ярко солнце,
Мерцали звёзды при луне,

Шальные ветры пролетали,
Кружился ранний снегопад...
А он - всегда на пьедестале,
Советской Армии солдат.

Наверно, снилась там солдату
Не та жестокая война,
А снились тихие закаты,
В деревне бурная весна.

Он мог прожить намного дольше,
А оказалось - не судьба.
Погиб он за свободу Польши,
Где и остался навсегда.

Пришли к нему однажды люди,
С собой верёвки принесли.
«Здесь памятник стоять не будет», -
Как приговор, произнесли.

И он опять упал на землю,
Упал, как будто в том бою,
Когда он встретился со смертью
И молодость отдал свою.

Нет, он не встанет, не воскреснет
И не махнёт уже рукой,
Он радугую стал и песней,
И лёгкой дымкой над рекой.

Тех, кто о жертвах забывает,
Солдат не сможет пристыдить.
Его в России вспоминают,
Он в русском сердце будет жить!

Безматерных Румия, г. Нытва

Нарисую улыбку...

Осень, осень моя!
Нарисую улыбку
На заплаканном лице твоём...
Даже нити дождя
Здесь совсем не ошибка -
Это просто бижу – серебром!
Макияж наведу
Рыжей солнечной кистью

И припудрю туманами лес.
Я печаль отведу,
И, хоть падают листья,
Мир по-прежнему полон чудес!
Улыбнулась и я:
Мне б волшебную рыбку,
Чтоб исполнить желанье моё!..
Осень, осень моя!
Нарисую улыбку
На заплаканном лице твоём!..

Вяткина Зинаида, г. Очёр

Маленький принц на планете людей

Маленький принц на планете людей
Глядел на цветы удивлённо.
Он розу любил и заботлив был с ней,
А роз на Земле - миллионы.
Маленький принц баобабы полол
На собственной малой планете.
У нас баобабов огромный ствол
Ничуть не мешает на свете.
И каждый цветочек не станешь любить,
И чистить планету нам сложно.
Нам так в изобилие легко позабыть
Космический голос тревожный.
О том, что планета хрупка и одна,
Другой такой нет и не будет,
Тем горе без меры, без края и дна,
Кто чистить её позабудет.
Над городом смог баобабом встаёт,
И реки текут непонятно.
И если Земля свою грань перейдёт,
Кто знает, вернётся ль обратно.
Нам надо сегодня, нам надо скорей
В экологов армию влиться,
И каждый из нас на планете людей
Побудет пусть маленьким принцем.

Гордийцева Нина, г. Очёр

Георгиевская лента

Я святого Георгия ленту
Возле сердца пришила на грудь.
Семь полос – чередуясь по цвету –
Героической памяти суть.

Цвет оранжевый – жаркое пламя,
Чёрный – горького пороха дым.
Доблесть, мужество, русское знамя –
Скорбь и слава под небом родным.

Я ношу, словно орден Почёта,
Этот чёрно-оранжевый бант –
Символ Родины, знак патриота,
Чести, совести верный гарант.

Дрозд Татьяна, г. Очёр

Потоки грязи льются на Россию,
Во всём её виновницей считают.
А кто же объявил себя мессией?
Как миром править, кто об этом знает?
И почему же мир однополярный
Имеет право быть лишь на Земле?
Порядок изначально планетарный
Америка присвоила себе.
Ну а другие страны изначально
Подчинены большому господину.
Несправедливо, стыдно и печально
Планете всей лишь на него гнуть спину.
И ждать подачи с барского стола,
Не сметь и думать даже по-другому.
Не для того ведь нам дана Земля,
Чтоб все служили лишь божку земному.
Материки, и страны, и народы
С законами своими вправе жить,
И мир наш общий – Землю и природу -
От бед и катаклизмов сохранить.

Злыгостев Александр, г. Очёр

Как мало их, с кем мог поговорить...
Они уж там, откуда не вернуться.
Других издалека не возвратить.
Но где-то наши души вновь сойдутся...

Уже я новых встреч давно не жду.
Не быть над головой того сиянья.
И то, что было – точно не найду
Во всей огромной сфере мироздания.

Когда в объятьях дрёмы окажусь,
Как в карусели, всё ко мне вернётся,
И снова моё счастье улыбнётся.
Я там не сплю. Я там душой тружусь.

И былъ, и небылъ вновь я обрету.
Во сне моём помчится всё по кругу:
И лица женщин, и надёжность друга,
И то, что не сбылось, – я здесь найду...

И наши души вместе вновь сойдутся!
Как одиноко им отдельно быть...
Приветствую! Ещё смогу коснуться
Всех тех, с кем в прошлом мог поговорить!..

Зорин Александр, г. Очёр

Пшеничное поле

Пшеничное поле блестит позолотой
В родимых уральских краях.
Я шёл по тропинке родной и широкой
В прекраснейших этих полях.

Колосья как будто живые
Склонились при встрече со мной.
Они для меня ведь родные
Не надо мне встречи другой.

Тропинка всё дальше виляет,
Природа красива кругом.
Родившийся птенчик летает,
Кузнечик стрекочет тайком.

Берёза стоит молодая.
Одета вся пышной листвою.
В жару она тень сохраняет
Поит меня соком весной.

Иванова Маргарита, г. Нытва

Я всю Россию обниму

Мои лесные горизонты,
Платки раскидистых полей,
В родной реке играет солнце
Любимой Родины моей.

Люблю весенние рассветы,
Небес далёких синеву,
Зари малиновой приветы,
В зелёном бархате траву.

Берёз весёлых хороводы
И нежный атлас тополей.
Всё пробуждение природы
Опять поёт в душе моей.

К земле родимой припадаю,
Вдыхаю вешний аромат,
Сирень медовую глотаю –
Цветочек счастья, говорят...

Господь – создатель всей природы,
Я свято верую ему...
О, дайте больше мне свободы,
Я всю Россию обниму!

Каменских Нина, п. Павловский, Очёрский район

Луна, как апельсинка,
Висит во тьме ночной,
Как солнца – половинка,
По краю с бахромой.

Любуюсь из окошка
На яркую луну.
А лунная дорожка,
Бежит в ночную тьму.

И кажется, во тьме той,
При свете ярких звезд,
Как будто между нами
Построен гибкий мост.

Катаев Николай, г. Нытва

«Четверть века назад развалился Союз...»

Гуляли в родной стороне сквозняки
От новых ветров либеральных,
Имперские проданы были штыки,
Берлинскую стену сломали.

Поверил на слово последний генсек,
Ракеты в кастрюли расплавил.
Челночным похмельем закончили век
В отцовской поруганной славе...

Прозрение в тяжелой цепи перемен –
Страну развели лохотроном.
Но Русь не однажды вставала с колен,
И гордо вздымала знамёна!

Мы выжили всем перестройкам назло,
Бросались за счастьем в погоню.
Прошли нулевые, судьбы колесо
На трудном скрипит перегоне.

Узнали соседей продажную суть,
Залёгших в ковбойское лобби.
Никто нас не сможет сломать и согнуть,
Самим бы себя не угробить.

Мелькнул олимпийский восторженный взлёт,
И радость братания с Крымом –
История шансы сплотиться даёт,
Пусть беды проносятся мимо.

Есть поводы снова гордиться страной!
Пускай злобно дышит Европа.
Медведь оклемался, хозяин лесной
Встаёт во весь рост из окопа!

Кнушевицкий Александр, п. Павловский, Очёрский район

Делегируя слово

Это слёт, равно съезд
Под эгидой Спешилова имени.
Безусловно, в полезность
И бесспорно, что именно
Декларируя мысль
И свободой верша,
Хорошо собрались.
Просит слова душа
С неуёмных идей
С предложеньем реалий
Познаём мы людей,
Близим веси и дали.
В лицах дума и спрос
И восторг откровений,
От газетных полос
С одиночного чтения,
Впечатлений семьи,
В наблюдении улицы.
Слог от школьной скамьи
В монолог дерзкой умницы.
Человеческий разум
Обналичит характер
На распев или разом,

Аж в есенинском лапте.
Есть и в наших краях
Самородки так близко,
В жёлтой кофте «Маяк»
Да с очёрской пропиской,
Свой тревожит Рубцов,
Доморощенный Бродский,
Ждём народных чтецов,
Гениальных эмоций.
В пападанцах все мы.
Место, век и число вам,
От родной стороны
Делегируя слово.

Конева Елена, г. Верецагино

Есть люди такие на нашей планете,
При них по-особому солнышко светит,
Для них распевают весёлые птицы,
При них оживают угрюмые лица.

Они излучают добро и любовь!
И я благодарна Создателю вновь
За то, что встречала таких на пути:
Как здорово с ними по жизни идти!

Крашенинникова Надежда, с. Карагай

Улетают птицы

Плачет осень криком журавлиным,
Провожая птиц в неведомые дали,
Даже ягоды зардевшейся рябины
Удержать не могут журавлиной стаи.

С грустью нежной с родиной прощаясь,
Жалобно курлычат над деревней,
Машут крыльями, перо и пух роняя
На кудряшки золотых деревьев.

Словно нам кричат слова приветов,
Вы, мол, подождите нас чуть-чуть,
Грустная и верная примета,
Улетают птицы - лета не вернуть.

Кустов Владимир, с. Лёвино, Большесосновский район

Улыбается жук

Небо синее, как на картинке.
Утро майское. Солнце. Покой.
Улыбается жук на тростинке,
Словно он именинник какой.

Все устали от долгой метели,
Раздражительны, всё потому,
Что бы там о зиме вы не пели,
Но длиннее она ни к чему.

Снег такой, что не сыщешь друг друга.
Ночь бездонная сводит с ума,
Всё живое засыпала вьюга,
А зачем – позабыла сама.

Всяк заблудший в снегах её синих
Поневоле и слеп, и безуст...
Нет, увольте от сложностей зимних,
От капризов её и безумств.

Ларионова Маргарита, г. Очёр

Старый пенёк

Я живу, как старый пенёк.
Выйти мне из дома лень.
Там весна цветёт давно,
А мне это всё равно.

Беспокоится подруга:
Хватит чахнуть от недуга.

Мы сейчас прогоним скуку.
Собирайся на прогулку!

Мы гуляли по аллее,
Птицы серенады пели,
Белым облаком душистым
Яблони навстречу вышли.

На пруду волна качала
Стаи лодок у причала.
Солнце светлую дорожку
Протянуло, словно ложку:

Ну-ка радости хлебни!
Лень и скуку прогони.
Знай: в такой чудесный день
Зацветёт и старый пенё!

Мошева Диана, г. Верецагино

Русь

Звон колокольный самый
Первый в жизни моей.
Звонкий, шальной, рьяный
После тихих ночей.

Россия зимой объята,
И всё звучит этот звон.
И я с зари до заката
Шлю тебе, Русь, поклон.

Тихо в снегу стою,
Карий взор распахнув.
Славу тебе пою,
К груди твоей, Русь, прильнув.

Колокол, храм, Русь –
Нитью единой связаны.
Я за тебя не боюсь,
Ты выступишь, ты обязана.

И я на твоей груди
Согрета твоим величием.
Страны такой не найти,
Как ты, – с женским обличем.

Дорога́ мне каждая былинка,
Каждый цвет мил на твоём платке.
Я – всего лишь малая песчинка
На твоей заботливой руке.

Я тебя, Россия Всесильная,
Шагами, верстами не меряю,
А люблю за нивы обильные
И за тех, в кого сердцем верую.

Ошкукова Ирина, г. Очёр

Сохраним зелёный мир

Экологии родного края посвящается

Наша от крыльца до края –
Убедится здесь любой.
Мы всем миром выживаем
На планете голубой.
Учат малого ребенка:
Шар земной - наш общий дом.
Что оставим мы потомкам,
Если мир не сбережём?!
Экологию приемлем:
В ней свои законы есть.
Если мы загадим землю,
В свалках все утонем здесь.
Воздухом целебным дышим.
Наши «легкие» - леса.
Их не будет, не услышим
Птиц любимых голоса.
Трав лекарственных не будет.
Сладких ягод не поесть,
Не найдут грибочков люди,
Дикий зверь исчезнет весь.
Всё это лесное братство –
Счастье завтрашнего дня.

Лес - зелёное богатство -
Надо свято охранять!
...За зеркальные озера
И за русла чистых рек,
Родники в родном Очёре
Вновь в ответе человек.
И в любое время года
Чистый воздух в городах.
Чтобы «химией» заводы
Не душили никогда.
А леса, поля и воды
Не отравлены на вид.
Наша мудрая природа
Людам это не простит!
Так давайте вместе будем
Мать-землицу сохранять,
Чтобы здесь дышали всюду
Красота и благодать.
Ликвидируем все свалки,
Берег пруда приберём.
Эх, до слёз природу жалко,
Мы в ответе за неё!
И с душою озарённой
Добрые дела творить,
Чтоб цветущий мир зелёный
Нашим внукам подарить.

Пегушин Юрий, п. Новые Ляды, г. Пермь

Сорока и Воробей

Басня

Жила Сорока. У Сороки той
Гнездо под крышею крутой
Никак не схоже с Воробьём,
Что жил в курятнике своём.
Та келья, что у Воробья,
Мала, тесна и не своя.

Однажды старый Воробей
Задумчиво сидел среди ветвей.
Устав от жизни одинокой,

Решил посвататься к Сороке.
Почистив пёрышки и клюв,
Для важности живот надув,
Приняв степенный вид, осанку,
Пошёл к Сороке на свиданку,
Хоть с виду был он неказист,
Но, видимо, в душе артист,
Сумел чириканьем своим увлечь Сороку,
Да что в том проку!
Она другого жениха ждала
Никак не меньше, чем Орла.
- Ты слишком немощен и стар,
Чтобы зажечь любви пожар,
Да и летаешь невысоко,
Ты не Орёл,- ответила Сорока,-
Хоть у тебя и два крыла,
Ну не похож ты на Орла,
Мне в жизни надобен простор -
Долины рек, вершины гор,
Хочу увидеть всё сполна:
Как в море плещется волна,
Как солнце всходит из-за гор,
И снег в его лучах искрится...
Зачем мне твой куриный двор,
Ведь я не курица, я - птица!
Я не хочу с тобою вместе
Сидеть, как кура, на насесте,
Хочу на старости хоть что-то
Увидеть с высоты орлиного полёта!
Орёл, конечно, есть орёл,
Но только этот ореол,
Навряд ли, подойдёт Сороке,
Летает очень высоко,
Красивый, статный и могуч,
Подняться может выше туч.
И у него таков обычай -
Кто слаб, становится добычей.
Сорока зря к нему стремится,
Ему подходит лишь Орлица,
Сорока только стать могла
Добычею в когтях Орла.

Для Воробья отказ – не лихо,
Нашёл себе он Воробьюху,
Живёт с ней дружно и без бед,
А у Сороки - пары нет.

Пичкалёв Михаил, г. Очёр

Представил я, что я не одинок,
Есть у меня вторая половинка.
И я, конечно, радоваться мог,
Но тут произошла одна заминка.
Конечно же, я девушку люблю,
Но не умею выражать словами
Те чувства, что я к ней в себе таю,
И даже тронуть её стан руками.
Её глаза пронзят меня насквозь
И, не сдержав эмоций, я заплачу
Противно будет ей от моих слёз
И мокро к этому всему в придачу.
Наверно, будет скучно ей со мной,
А веселить людей я не умею.
И я не буду для неё стеной,
Ведь хулиганов бить я не посмею.
Застенчив я, чтоб сделать первый шаг,
И слишком беден, чтоб дарить ей розы.
Не окружить её мне кучей благ.
Да и вообще я слишком уж серьёзен.
И правильно, наверно, что меня
В любви дурные сети не поймали.
Ведь не хочу на самом деле я
Чтоб девушки из-за меня страдали.

Ревенко Людмила, п. Ильинский

*Мы первую любовь узнали позже,
Чем первое ранение в бою.
В.Василевский*

Школа юнг после ГУЛАГа,
Солона вокруг вода.

Ничего не знал салага,
Попадая в невода.

Желторотые мальчишки
Не за совесть, не за страх,
Начитавшись дома книжек,
Грезили о парусах.

Им, конечно, говорили,
Что никто не взял оплот.
Англичане уводили
Свой «непобедимый» флот...

И мужали так мальчишки,
Призывала их страна,
И от стрижки и до стрижки
Было трудностей сполна.

И потом, когда лавиной
Наступил суровый год,
Возмужавшие мужчины
Отправлялись в свой поход.

И свою любовь земную
Четверть встретила в раю...
Добрый словом помяну я,
Жизнь отдавших за страну.

Свириденков Владимир, с. Большая Соснова

Добротою веет
От икон старинных,
И от них струится
Божья благодать.
Помолюсь за грешных,
Даже за невинных,
Прошепчу иконе:
«Вы - вторая мать».
Мама тоже может
Сердце успокоить,
И не дать в обиду

Твой алтарь души.
Верить в Веру стоит -
Она душу строит,
Подойди к иконе,
Помолись в тиши.

Селезнёва Яна, г. Верецагино

Я видела сегодня седую старушку,
В автобус войдя, она села со мною.
Косынку заправив рукою за ушко,
Она телефон свой достала чудной.
Обычный мобильный серого цвета,
И пара царапин мелких видна.
Но необычным в нём было не это,
Меня удивила надпись одна.
На экране его загорелось: «Любимый»
И фото седого, в очках, старичка.
Она в трубку ответила: «Милый!»
Доктор сказал, поживу я пока...
Я села в автобус, уже близко к дому.
Не нужно, не вздумай! Обед не готовь!»
И пусть кто-то мыслит сейчас по-другому,
Но была я уверена, что это – любовь.

Силина Надежда, с. Большая Соснова

Перед грозой

Ветер яблони расчёсывал,
Рвал зеленую листву,
Гнал по небу тучу грозную,
Кружил вихрем на мосту.
Подметая, всё взлохмачивал.
Украшая, устрашал,
А кто его уполномачивал?
Кто такое право дал?

Тимшин Владимир, с. Большая Соснова

Добрая книга

Жизнь идет, проходят годы,
Тают силы и мечты...
Но в житейские невзгоды
Помогала выжить ты.
Ты спасала в дни разлуки
Там, от дома вдалеке...
Берегла меня от скуки.
С карандашиком в руке
Я читал и волновался,
Я носил тебя с собой,
Никогда не расставался,
Даже если был больной
Ты всегда меня лечила,
Ты опорой мне была...
А коварная кручина
Не сломала, не смогла.
Ты, как спутница-подруга,
Век делила весь со мной...
Знала вся моя округа,
Как я жил всю жизнь с тобой.
Ты лечила и учила,
Как мне в жизни поступать...
Жить меня ты научила,
Ты была - вторая мать!

Уросова Эвелина, с. Большая Соснова

Меня замуж не берут

Коротаю дни в печали,
Незавидный мой маршрут –
У меня беда такая –
Меня замуж не берут.
Познакомилась я, значит,
Тут с одним. А он такой...
Интеллектом не обижен,
Только шибко занятой.
Всё ему не до объятий.

Всё ему не до меня.
А ведь как бы мне хотелось
С ним побыть хотя б полдня.
С понедельника в отъезде.
Всё какие-то дела,
И мечта об охах-вздохах
Постепенно умерла.

Вот другой на повороте -
Провожает до дверей,
Говорит мне без стеснения:
«Ну, целуй меня скорей!»
Состоялись охи-вздохи,
Говорит он мне с тоской:
«Ты завидная, конечно,
Только я не холостой!»

Вскоре, чтобы грусть умерить,
Я на сайт знакомств зашла
И того, кого искала
Сразу в тот же день нашла.
Он - красавчик! Он мужчина,
Не с брутальной красотой.
Гладко выбрит.
С модной стрижкой.
Неженатый-холостой.
Комплиментами засыпал,
Телефончик попросил,
И приехать срочно в гости
Очень скоро пригласил.
«Начепуренная», значит
Я помчалась в города,
Размышляя по дороге,
Может это лабуда?
Интуицию задвинув,
Аж на самый дальний план,
Вижу, Господи, мужчину -
Не старик, не мальчуган.
Всё при нем: крутая тачка,
И шестой айфон при нём,
И купюр краснеет пачка,
Джинсы модные на нём.
Говорит: «Не будем медлить!

Сразу едем в ресторан!»
Там за столиком... скучает...
Толстомясый старикан.
А когда меня увидел,
Весь слюною изошёл,
И сморкнувшись громко в тряпку,
Впечатленье произвёл.
Я бежала без оглядки,
Понимая, кто есть кто,
Материлась по дороге,
Не стесняясь никого.

Вспоминаю я в печали,
Тот последний мой маршрут –
Ах, какое ж это счастье! –
Меня замуж не берут.

Черемных Вера, г. Нытва

Письмо сыну-солдату в Афганистан

Мой милый сын, в краю далёком
Под небом ярким, но чужим
Ты служишь. Может, одиноко
Тебе средь гор, ветров, долин?

Прислушайся – то лёгкий ветер
Несёт негромкий голос мой.
Всмотрись – в прозрачном горном свете
Увидишь дом родимый свой.

Привет тебе от нашей вьюги,
От белых, искристых снегов,
От занесённых до макушек
Могучих вековых лесов,

От алых пламенных кистей
Под ветром стынущей рябины,
От воробьёв и снегирей –
От Родины в наряде зимнем.

Ещё чуть-чуть, совсем немного –
Вернёшься к мирному труду.
О, как желанна та дорога,
Как дорог дом, в котором ждут!

Примолкла чутко магнитола,
Кассеты с книгами на полках ждут.
Ползёт неслышно тишина по полу,
Стучат часы, минутам счёт ведут.

Всё ждёт, всё полно ожиданья.
Пиши. Целую.
До свиданья.

Чечукова Нина, г. Верецагино

Осень как-то внезапно угасла,
Отгорела, отплакала, отдрожала.
И черту, за которой опасно,
Переходить не стала.

Угольками калин попрощалась
И, умывшись дождём, ушла.
В сердце тихой печалью осталась,
И тоски забрать не смогла.

Ну и что. Быстротечно время.
И вернутся ещё журавли.
Лишь бы то, что судьбой отмерено,
Мне обратно опять принесли.

Шилов Владимир, г. Очёр

Нервы

Не помню, кто открыл их первый,
Но не о том сегодня речь.
У всех, друзья, у нас есть нервы,
А нервы надобно беречь.

Пусть не постна такая тема
И не подходит для стихов,
К несчастью, нервная система
Имеет множество врагов.

И среди них нас ранят часто,
Не нож звериных пьяных драк,
А мелкое дрянное хамство,
Оно и есть первейший враг.

Презрев все правила приличья,
Как лень уродливых гримас,
И каждый раз в ином обличье
Оно бросается на нас.

Чиновник здесь над всеми старший,
Проследовав в свой кабинет,
Прорвавшись мимо секретарши,
Вы вслед за ним и вмиг ответ:

«Вы были здесь на той неделе.
Решенья нету до сих пор!
Вы с вашей просьбой надоели.
Всё ясно? Кончен разговор».

Вот, официантка «чадо»
Вы просите и ждёте час.
Но никого не замечая,
Она проходит мимо вас.

А обратитесь к этой «тёте»,
И вмиг обидится она:
«Небось, не к спеху, подождёте!
Вас много здесь, а я одна»!

На электричке иль трамвае,
Всегда есть мрачный гражданин,
Всегда он сразу забывает,
Что он в вагоне не один.

Чуть-чуть попробуй потесниться,
Его попробуй, попроси,
Он тут же словно взбеленится:
«Что, тесно? Ехай на такси!»

И всё так грубо и сердито.
Столкнувшись с этим каждый раз,
Вы днём лишитесь аппетита,
А ночью не сомкнёте глаз.

И нет спасательных рецептов,
Чтоб облегчили эту ночь.
И никакие фармацевты
Уже не в силах вам помочь.

Ах, если б, отыскав причину,
Создать сумели витамин,
Иль препарат, или вакцину,
Назвав её: «Антихамин».

Взамен пустых нравоучений,
Огонь елеем не залить!
Всем прописать им курс лечения,
Чтобы от хамства исцелить.

И через день по числам чётным,
Брать шприц и техника проста:
Колоть нещадно и несчётно
Во все их мягкие места.

Чтоб небо им «в овчинку» стало,
Чтоб зареклись хамить вовек,
Чтобы болезнь совсем пропала –
Чтоб вновь родился Человек!

Ах, если б мы имели право
Сказать, что больше хамства нет!
«Ругаюсь» именем Минздрава,
Все жили б дольше, до 100 лет!

Ширшева Ирина, г. Пермь

Летняя ночь

Лодочки-звёзды качаются,
Лёгкие, будто пушинки,
А в вышине отражаются
Нежные сёстры-кувшинки.

Речка небесная светится,
Белая, точно позёмка.
Водит Большая Медведица
К этой реке медвежонка.

Лачут молозиво звёздное,
В землю упершись хвостами.
Месяц с огромными вёдрами
Черпает воду перстами.

Лодку спущу остроносую,
Старые вёсла прилажу,
В старом чернеющем озере
Я медвежонка поглажу.

Носик холодный потрогаю,
В дождик – плащом занавешу,
Пусть не волнуется строгая
Звёздная мамка медвежья.

Шмырина Людмила, г. Очёр

Письмо из прошлого

«Моё смятенье, я пред Вами
Смотрю влюбленными глазами,
Касаясь взглядом губ и рук...
И нет сильнее этих мук -
Не смей дотронуться руками.
Скрывать не просто дум томленье,
Но обожанье и горенье
Не вызывают отклик в Вас...

Как знать, настанет ли тот час -
Крыла волшебного паренье?
В ночи метельной нет просвета.
Вопрос остался без ответа.
Как выжить посреди зимы?
Несуществующее «Мы» -
Фантом непрожитого лета...
Письмо из прошлого печалит,
Как будто, прошлое в начале,
И я возвышенной строкой,
Но неумелою рукой,
Пишу о том, что Вы смолчали.
Быть может, всё уже забыто
И пылью вековой покрыто,
Но так тревожит каждый раз,
Как будто в неурочный час
Душа чужой любви открыта.
Физическое всё не вечно,
Хоть и стремится бесконечно
Познать пределы свето-тьмы.
Жаль, гениальные умы,
Увы, как мы, уходят в Млечность.

Шмырина Татьяна, г. Верецагино

Пригублю вновь волшебное завтра...

Три осенних листка, три ласкающих солнышком слова,
Я украдкой от всех, милый друг, для себя берегу.
Ярко-красный, лучистый чуть-чуть, изумрудно-зелёный
Три любимых листка в мир иллюзий и снов унесу.

Три листка настоящих! К чему карнавал листопада?
Три снежинки зимой и узор на любимом окне.
Не нужны мне сугробы, серебряный наст и кристаллы,
Три снежинки в ладонь, что, растаяв, приблизят к весне.

Ты позволил опять мне коснуться невидимой нити,
Той, что я вышивала вчера между рифмами строк.
Только холод заснеженных вьюгою зимних событий,
Проникает под кожу и снова бросает в озноб.

С наступленьем весны подари мне подснежника запах,
Вместо летней жары добеги до меня ручейком.
Я забуду вчера, пригублю вновь волшебное завтра,
Где три наших листка обернутся волшебным пером.

Якк Софья, п. Павловский, Очёрский район

«Не рой яму, себе хуже...»

Человек - сама природа. Почему-то невдомёк,
Созидая, да в угоду, пакостит *«блудливый кот»*.
«Помелом» горазд, болтает, что кругом, везде бардак,
А себя вдруг что коснётся, сразу наперекосяк.
Всяк себя предпочитает, а до общих дел, увы,
Достучаться, не желает, а *«трава хоть не расти»*.
Загнивание происходит... С экологией беда -
Вот бездушный робот моден, он компьютер, голова.
Затянуло в сети круто, догоняя *«белый свет»*,
И немало их, примеров, кой-кому же и во вред.
А с пластмассой, что в почёте, люди по уши в болоте.
И просвета уж не видно, за *«державу»*, ох, обидно...
Чистота - задача века: возлюбить природу света,
Пресекать все непорядки, *«овощем»* не быть, что с грядки.

ПРОЗА

Болотова Наталья, г. Пермь

Варвара Степановна

(рассказ)

Я возвращаюсь с работы уставшая и грустная. Разные мысли крутятся в моей голове. Я никого не замечаю, погружена в себя. И тут вдруг моё внимание привлекает маленький карапуз лет трёх, лихо размахивающий веником на небольшой площадке у магазинчика. Неподалёку наводит уборку и его мама. Малыш так усердно машет веником, то вправо, то влево, поднимая пыль, что я невольно останавливаюсь и решаюсь поговорить с ним: «Ой, кто же это у нас такой молодец? Маме помогает, да так старается! Как зовут такого помощника?» И тут мама карапуза, слегка подняв голову, с достоинством говорит: «Варвара Степановна мы!» Я едва сдерживаю свой смех: вот это да! А Варвара, боже мой, что с ней происходит? Она покраснелась, засмузилась, посмотрела на меня исподлобья, слегка улыбнулась и ещё активнее и усерднее взялась за дело. И как же я сразу не догадалась, что это девочка. И такая она красивая, румяная, круглолицая, просто русская красавица - настоящая Варвара Степановна!

С тех пор прошло немало времени, но до того она мне в душу запала, моя милая Варвара Степановна - степенная, хозяйственная, серьёзная, совсем не похожая на своих трёхлетних сверстников. Она и сейчас у меня перед глазами, и так хочется, чтобы всё в её жизни сложилось благополучно и счастливо.

Бояринов Валерий, г. Очёр

Ондатра – зверь

Скажи кто - сам бы не поверил. Стою на берегу, рыбачу, никого не трогаю. Рыба - тоже не удостоит своим вниманием. Вода ещё не прогрелась, но светлая, и уровень - ниже зимнего. Даже уклейка не плавится. Одни ондатры вдоль и поперёк залива нарезают. Как торпеды. Две из них, толстые как бобры, устроили грызню рядом на бревне. Лапами охватили друг друга, зубами щёлкают, за нос противника ухватить стараются. Обе упёртые. Хотел уже разнимать, но утوراзило их свалиться в воду. И вода - не охладила. Щёлкают, как орехи

лузгают, и кружат, словно в синхронном плавании, и по пояс наружу. Заглядение и бесплатно. После - одна всё-таки уступила. Бросилась плыть к берегу, а потом прямо на меня. Вторая - за ней. Думаю: побеждённая средь моих сапог будет спасаться. Как обычно бросается дрозд, за которым ястребок охотится. Ондатры уже к берегу подплыли и бегут приплеком. Не шелохнусь, чтобы не спутать их планы. Но в каких-то полутора метрах от меня передняя резко отворачивает и ныряет обратно в воду.

Подставила. Оставила меня один на один с разъярённым дьяволом. Шерсть дыбом, зубы ещё быстрее щёлкают. От таких зимой рыбаки убегают по льду после неоднократной попытки испугать их. Черенком удилица начинаю её швырять. Даже не реагирует. Прёт как танк. Молчит и только щёлкает. Успеваю схватить палку и вспомнить крепкое ругательство. Только тогда что-то поняла и нехотя повернула к бревну, на котором начиналось сражение. А шерсть всё так же дыбом и зубы щёлкают - волка порвать готова.

Не успел вновь забросить свою снасть, как на другом бревне, рядом, началась новая схватка. Уже другой пары. А сапоги у меня одни, резиновые. И дырки им от их зубов совсем ни к чему, если другая более удачно подставит. Сматываю снасти и домой. За чистый лист бумаги.

Загорская Галина, п. Павловский, Очёрский район

Разговор с духом леса

(Отрывок из книги «Сто двадцать дней без приказа, или Как дожить до завтра»)

Вдали замаячил лес. Чувство щемящей радости охватило меня, усилием воли я сдержался. Продолжал идти, как и шел, медленно, обдумывая каждый шаг, раскачиваясь из стороны в сторону. Таким выработанным за короткую неделю шагом я шёл и шёл, не останавливаясь. Солнце, вырвавшись из зимнего плена, палило нещадно.

Стоял полдень. Со лба стекал пот, огибая брови, скользя по щекам, торопился спрыгнуть с меня. Я не охотился за ним. Сбиваться с ритма было опасно. Лес маятником качался передо мной, метрах в ста пятидесяти. Очень хотелось бежать к нему сломя голову, и всё трудней было сдерживать себя. Но я знал, что еще раза три на этом расстоянии должен буду отдохнуть, чтобы дойти без проблем.

Подтянув ближе камышовый плотик, привычным движением с удовольствием растянулся на нем плашмя. Подняв ноги вверх, слил воду с сапог, не снимая их. Болото вздыхало подо мной. Оно дышало на меня своей гнилью, то здесь, то там с шумом вырывался газ, давно уже перестав пугать своим бульканьем. Но вот эти тяжёлые вздохи болота мне трудно было переносить, будто страшный великан вздыхает где-то рядом.

Лежа на плоту, я любил смотреть в небо, на бегущие редкие облака, сожалея, что я не с ними. Хотелось пить, протянув руку, я резко выдернул середину куста осоки и пожевал белую мякоть этой травы. В детстве она часто рассекала мне руки и ноги, здесь же я умело приручил ее.

Надо подниматься, а то сон заморит, идти дальше, шестом прощупывать себе путь, опять входя в привычный ритм. Прошло немало времени, прежде чем до берега оставалось каких-нибудь пять шагов. Именно они бывают самыми трудными, самыми опасными. Вот и они позади.

Когда выходил на крутой берег соснового бора, мне показалось, что вдруг разучился ходить. Ноги с силой вдавливались в землю, становились ватными и, пройдя первые метры пути, я упал лицом в траву. На несколько минут замер.

Слушал и нюхал воздух. А потом, ликуя, начал обнимать и целовать землю, сгребая вокруг себя траву. Увидя крохотные белые цветы кислинки, знакомые с детства, хватал ртом и ел жадно.

Зрителей не было. Я отдался воле чувств, катался по земле и радовался ее твердости, совсем не стыдился своей слабости. Я выжил и был очень счастлив! Болото осталось позади, мне очень хотелось забыть его. Раскинув широко руки и ноги, отбросив в стороны всё: оружие и плот, черемуховый шест, спасавшие меня от усталости и ещё от многого чего.

Лежал я тихо и смотрел в небо, в голубизне которого плыли своей чередой облака. Они были такие разные: вот лиса бежит, вытянув свой хвост, вот будто женщина, распустив волосы, нагая плывет по небу, вот голубь, вспорхнув, взлетает перед моими глазами. Забавно смотреть на этот видеоряд, в котором наверняка есть какой-то смысл.

Лежал я долго, отдыхал, слушал лес, шум которого напоминал мне море. Сосны, раскачиваясь, смотрели свысока, будто судачили меж собой, откуда я взялся. Мысленно разговаривая с ними, я уличил их в том, что они давно поджидали меня, наблюдая с берега, как я устало бреду по болоту, осиливаю свой путь.

Не спеша поднявшись, решил сначала найти воду и умыться. Так захотелось смыть с себя запах болотины, надоевший мне в эти страшные дни. В этом сосновом бору подсад был не густым и не высоким, мне было видно далеко. Пройдя немного, увидел, что сосняк заканчивается крутым логом, внизу которого бежит небольшой ручеёк. Побежал к нему напиться, ведь я так давно не пил хорошей воды. Руки были грязные, и я не решился пить с них, но и умыться в этом малюсеньком ручейке было невозможно. Распластавшись, припал губами и тихо пил эту чудесную воду, лучшую в мире, наслаждался этим действием.

Вода расслабила меня. Стал спускаться по руслу ручейка. Вышел на большую поляну, которой заканчивался овраг. Всё зеленело кругом! По этой зелени словно вышиты были цветы незабудки. Дальше желтели одуванчик, и ... Я одурел от этой красоты, тепла, счастья бытия. Но еще больше я обрадовался, когда увидел в небольшой яме гладь воды. Вода стояла такая чистая, прозрачная, что было видно каждую травинку на дне. Стоял над этой травяной ванной, приготовленной для меня самой природой. Быстро оглядевшись по сторонам, мигом разделся и вошел в неё. Вода, нагретая солнцем, ласкала. Подумал, что за черной полосой жизни, всегда бывает светлая.

Лежал, отмокал, раздумывал про свою жизнь. Совсем не думал об опасностях своего положения, полностью доверился страху, сидящему внутри меня, знал, что не подведёт, подскажет чуть чего. Теперь я чувствовал, что я в земном раю. И благодарил Бога за все. Помолившись, нарвал травы вместо мочалки и начал натираться. Вымывшись, перестирал всю одежду, вымыл сапоги. Всё расстелил на поляне сохнуть.

Сам же в одежде Адама ходил по поляне и ел знакомую траву, ведь после всего я изрядно проголодался. Солнце и ветерки быстро высушили мою одежду и меня.

Одевшись, я взбодрился. Собрав всё имущество, которым оброс в тайге, пошел по задуманному направлению. Лес, такой зеленый и цветущий, белый от берез и черемухи, хлестал меня ветками за то, что я ел нежную зелень листьев, цвет черемухи и длинные верхушки сосенок, первоцветы, что глядели на меня. Всё жевал и жевал, и не мог насытиться. Из зверья и птиц никто не попадался. Хотя я чувствовал, что на меня отовсюду глядят глаза. Голод же мой, словно проснулся и мучил меня. Нашедши большой старый ствол сосны, поваленный ветром, присел на него отдохнуть. Кора слетела под моей рукой, просыпала толстых, неуклюжих, белых короедов. Они смешно барахтались,

пытаясь спрятаться. Долго я не стал думать, а быстро начал кидать их себе в рот, спешно разжёвывая. Съел целую пригоршню, быстро откидывая кору дальше по стволу. Белки сплошные! Нельзя сказать, что наелся, но и то вперёд.

К вечеру добрался до лога, прошел его и очутился в сосновом бору. Пройдя его, вышел к болоту. Удивился очень, как это я пришёл обратно, откуда ушел днем. Быстро начал взбираться на сосну, прижимаясь к ней. Наверху огляделся, определил свой путь. Уйдя за лог, снова пошёл, одержимый пройти хоть сколько-нибудь.

И снова ноги привели меня той же дорогой к болоту, на ту же поляну. Стоя на знакомом месте, я никак не мог понять, как это получается. Пошел снова и на приметных местах ставил свои метки, то ветку завью кольцом, то нитку привяжу, то мох откину.

День перевалил за середину, а я все кружил и кружил, вымотался. Сел у знакомой кряжистой сосны, опершись спиной об ее широкий тёплый ствол. Сидел, упершись ногами в землю, никак не мог понять, отчего нарезаю уже в третий раз эти непростые круги.

Всё стихло вдруг. Перестали тенькать птички, не шумел лес, движение всего вокруг будто остановилось. Белка на соседнем стволе замерла, уставившись на меня чёрными бусинками глаз. Лишь чёрный ворон сидел на ветке неподалеку от меня, и будто только ему разрешалось каркать среди вдруг наступившей тишины. Он важно вытягивал вперед голову, выполняя своё важное задание, и смотрел мне в глаза.

Но вот и он затих, совсем отвернувшись от меня. Я заподозрил неладное, почувствовал всем нутром своим, что на меня оказывается какое-то влияние, словно кто-то пытается влезть в мои мысли, в мои мозги. Я задрожал, а потом встряхнулся всем телом. Воздух загустел передо мной, заколебался, задрожал, собрал в десяти метрах от меня ворох старых листьев и резко дунул в мою сторону. Я содрогнулся и разом вдруг понял, кто передо мной. Набрав воздуха полные лёгкие, собравшись с духом, сказал уже спокойно: «Давай поговорим».

Воздух передо мной закачался и резко приблизился ко мне. Трубный голос, почти дыша мне в лицо, произнёс: «Ты зачем сюда пришел?» Чуть выждав, добавил: «Живность мою губить?!» Я, выдержав паузу, с трудом подавляя панику и дикий животный страх, вдруг поселившиеся во мне, с достоинством ответил: «Я подневольный, солдат, по приказу прибыл, да вот

загнал меня сюда медведь, выбраться хочу, да ты меня не пускаешь, водишь кругами. А живность я зря не губил, лишь по нужде. Спасибо тебе за твои щедрые дары, а то бы я помер с голоду. Отпусти меня с миром».

Ещё некоторое время стояла эта мёртвая тишина, а передо мной дышал и колебался воздух, и «нечто» пристально смотрело внутрь меня. Так же резко, как раньше, отошло, выдохнув трубным голосом: «Живи».

Всё разом зашумело вокруг, ожило, зашевелилось и защебетало. Лес принял меня за своего: белка, как ни в чем не бывало, прыгала вокруг по своим делам. Муравьи расползлись по мне, норovia залезть куда не надо. Птицы, не боясь, щебетали совсем близко. Но самое интересное – я услышал шепот листьев и цветов. Маленькая ёлочка, росшая рядом, будто нарочно, трогала, успокаивала своими зелёными лапочками мою руку, в бессилии лежащую на земле.

Долго еще я сидел и слушал, что происходит вокруг. Осознавал то, что со мной произошло, все эти перемены в моей жизни. Думал о доме, о матери и отце, о той далёкой и желанной. Думал и думал, и не заметил, как задремал...

Заморина Нина, г. Нытва

Именины у Полины

(отрывок из повести «Сестрёнка»)

*Мне понятна твоя вековая печаль,
Беловежская пуща...*

Появился староста Семён с винтовкой в руке. В это время дед и трое внушек сидели за столом. Староста явно не ожидал попасть в такой цветник. Дед от греха подальше пригласил незваного гостя отобедать с ними. Стефа налила в миску черпак щей и придвинула к нему хлеб и блюдо со сметаной. Тоня не подымала глаз, Наталка переводила взгляд со старосты на деда, пытаясь что-то понять. Пауза затянулась.

– Што новага у раёне? – дед решил нарушить тишину.

– Будем с понедельника переписывать коров и свиней, излишком придётся поделиться.

Дед взмахнул руками:

– Яки ж лишак? Адна карова засталася!

– Как одна? А других съели? – въедливо спросил солтус.

– Так спадары немцы на тым тыдні забрали!

– Пойдём, Антонина, покажешь мне вашу одну корову. Может, там ещё кто-нибудь хрюкает?

– Так давайте я вам пакажу! – дед рванулся к двери, но староста его остановил, вытянув вперёд винтовку.

– Нет, Михаил Андреевич, Антонина меня проводит.

Тоня накинула дедову фуфайку и пошла в конюшню. За ней шёл староста с ружьём. Дед из окна кухни видел, как Тоня с проходимцем солтусом зашли в стойло.

В конюшне стоял смирный Серко и хрумкала сеном корова Зоря. За перегородкой лежал на соломе розовый подсвинок.

Тоня повернулась к Семёну, чтобы сказать: «Вот и всё наше богатство», но тот смотрел на неё стеклянными глазами. Отбросил винтовку, схватил девушку за руку, резко повалил её на сено и впился губами в её губы, которые ещё не знали мужского поцелуя.

– Будешь моей, прямо сейчас, – его губы жадно искали шею и грудь, а Тоня пыталась увернуться, но он был сильнее, да ещё ружьё было не в её пользу.

И тогда Тоня догадалась: чтобы победить, надо сдаться. Она перестала сопротивляться, обняла скрипача за шею и прошептала ему на ухо:

– Послушай, Семён, сейчас дед сюда прибежит, и ничего у нас не получится. Я и сама не против, но только давай не в конюшне и не сейчас. Приходи через два дня, ближе к вечеру, я всё устрою.

– Деда куда денешь? – Семён прерывисто дышал, но он уже слегка остыл и разжал свои железные пальцы.

– У тётки Полины именины в пятницу, мы все туда придём вечеровать. Я что-нибудь придумаю.

Никто не знал, как дед передавал весточку сынам на болота, но через сутки пришёл связной от Антона и по тайным тропам увёл с собой Антонину.

Ещё через сутки, как договаривались, на хуторе появился Семён. Он долго прятался возле подворья Алеся Матусевича – у его жены Полины, как говорила Тоня, были именины. Вполне могло случиться, что пришёл из леса и сам Алесь, а староста под покровом темноты явился один – как знать, не угодить бы в засаду. Он не хотел, чтобы раньше времени поползли слухи о его связи с внучкой Михася, но отказать себе в удовольствии овладеть городской девицей, которая по уши втрескалась в него, было не в его правилах. На танцах выделялась из всех, как

ландыш среди крапивы. В стае так обнимала его – если б не проклятый дед, чтоб его...

Открылась дверь – выбежали мальчишки сходить до ветру. Приплыла квашня Елена с фарфоровой статуэткой Стефкой – манерная, ни слова в простоте. При случае надо будет ей припомнить, как в прошлом году отказала ему на танцах. Ни деда, ни Антонины он пока не увидел. Тут в сгустившихся сумерках появилась серая тень деда. Дед постучал в дверь, дверь отворилась, женский голос спросил:

– Чагог эта вы адны, тата? А дзе наша прыгажуня?

Семён удивился, что дверь закрыта, когда гостей ждут, но тут же весь превратился в слух. Дед громким скрипучим голосом ответил:

–Зараз следам прыйдзе – падарунак не паспела пригатаваць.

Семён не мог больше терпеть. Не пригибаясь и не прячась, он рванулся к старому подворью деда Михася, где его ждали горячие объятия девчонки в платье в горошек. «Сейчас узнаем, что у неё под платьем. Уж «потанцуем» так, как и не снилось! И не на соломе. Долго будет помнить!»

Предвкушая удовольствие, он распахнул дверь и не сразу понял, почему к нему из-за стола поднимается его довоенный дружок Бронислав – долговязый баянист по прозвищу «Хлопчык з пальчык». Неужели он опередил, и Антонина принимает у себя эту каланчу?

Когда из-за занавески вышел бородатый Алесь Матусевич, Семён понял, что засаду расставили не в доме именинницы, где были дети, а на отшибе, у деда.

–Что в мою хату не зашёл? Мы для тебя, гнида, такие «именины» устроили! – Алесь вывернул правую руку солтуса и поставил его на колени. – Вяжем его!

–Здесь прирежем или в лес отведём? – Бронислав не жалел свои длинные музыкальные пальцы, затягивая верёвку на спине бывшего друга.

–Зачем нам в хате кровища? – рассуждал Алесь, заталкивая кляп в рот старосты. – Он нам живой нужнее. Пусть всем расскажет, как немцев в Кузяны привёл, как всю семью Мулевичей расстреляли за то, что они у стариков Рубингерцев внучку в печи прятали. Пусть похвалится, как выслуживался перед немцами и голову Софочки лично из наградного пистолета прострелил. Небось, из этого самого? – Алесь из внутреннего кармана короткой чёрной шинели, перешитой из формы СС для полицаев, вытащил пистолет.

Староста мычал, выкатив глаза и пытаясь что-то объяснить.

–А давай здесь прирежем – что-то он разговорился! – предложил Бронислав. – Да и на себе тащить этот мешок с дерьмом не хочется.

Ты что же, братец, в штаны навалял? – сморщился Алесь и, привязав старосту на верёвку, как барана, поволок его на улицу.

Через двор, через огород, перейдя речку, налево вдоль гребли и дальше вдоль болота в лес – тропа к партизанам была уже натоптана.

После этого происшествия Тонечка надолго ушла в себя. Уже вернувшись домой, она подолгу сидела на кровати и мысленно прокручивала одну и ту же картину: скрипач-виртуоз, который играл на танцах лишь для неё, который обещал научить её танцевать, ползал на коленях возле костра и взахлёб признавался во всех тяжких.

Он узнавал через детей, к кому в дом приходили партизаны, и сдавал немцам эти семьи. Семью расстреливали. Он вынюхивал, кто из селян прячет еврейских детей. За это полагался расстрел. Они с полицаями глумились над девочками и молодыми женщинами, пока их не выводили на расстрел. Он и к Антонине хотел приехать не один, а с друзьями-полицаями и после того, как попользует её, должен был отдать девушку им на потребу. В последний момент передумал, пошёл на хутор один и за это поплатился. Маленький, жалкий, он ползал по земле и то умолял сохранить ему жизнь, обещая, что раскроет какие-то одному ему известные планы оккупантов, то злобно выкрикивал проклятия.

Командир отряда зачитал бойцам постановление о расстреле Подлесного Семёна Аркадьевича. Борислав Гончар и Антон Матусевич увели солтуса в сторону болота и привели приказ в исполнение.

Мелехин Станислав, г. Верецагино

Орден

(рассказ)

Стоял осенний день. Сентябрь – самый красивый месяц в году! Деревья золотые, как украшения природы, которые она надела на праздник. Берёзы в парке под дуновением ветра роняли свои листья. Словно блёстки, они падали на землю.

Мишка, паренёк лет двенадцати, сидел на скамейке и рассеянно наблюдал за падающими листьями. Настроение было подавленным и тяжёлым. Вместе с семьёй он переживал горькую утрату: несколько дней назад похоронили дедушку. Мишка любил деда, они были большими друзьями, и сейчас ему очень его не хватало. Он чувствовал себя одиноким. Хотелось плакать ...

День близился к вечеру, и прохожих встречалось мало. Лишь изредка среди тишины раздавались голоса какой-то весёлой компании.

Рядом ворковали голуби. Мишка заметил их, залез рукой в карман курточки и достал горстку семечек, которую разбросал голубям. Когда голуби их подъели и разлетелись, он встал, посмотрел по сторонам, тяжело вздохнул и медленно пошёл вперёд.

Так он оказался у детской площадки, которая уже была пустой. Мишка подошёл к качелям, сел на них и стал тихонько покачиваться. Он повернул голову в сторону дорожки и увидел, что по ней идёт старичок: худенький, слегка согбен, но с намёком на офицерскую выправку.

Чуть последив за дедом, Мишка отвернулся и не заметил, как около деда неожиданно оказались два парня. Скорее всего, из той компании, чьи голоса он недавно слышал.

С дорожки донеслось:

– Старик, воевал ли ты в Великой Отечественной? Убивал ли фашистов?

– Так точно! – чуть повернувшись, чтобы увидеть, кто задаёт вопрос, при этом выпрямившись, ответил старичок.

До деда с парнями было не близко, и Мишка старался заострить слух. Он подумал, что они будут разговаривать с дедом о том, как он служил, и о его подвигах. Но оказалось всё по-другому ...

– Ну и зачем-м-м? – протяжно, с отвращением, спросил один их парней. Старик молчал некоторое время, наверное, он был шокирован. Молчал до тех пор, пока парни вплотную не подошли к нему.

– И для чего ты воевал? – повторно спросил парень.

Ветеран ещё помолчал, а потом, вздохнув, ответил:

– Чтоб, ребятки, вы жили! – голос его был добрым, располагающим.

– На что нам такая жизнь? Тьфу! А вот тогда б, в ваше время, захвати нас немцы, то бы и жизнь наша стала другой,

всех прелестей не описать, да и мы бы стали частью великой нации и цивилизованной страны!

Страшно представить, что чувствовал дед. Он, видимо, хотел попытаться их переубедить, уже и воздуха набрал, чтобы что-то сказать, но не успел. Второй парень так пихнул деда, что тот с ног свалился и сел на землю, потом добавил, взяв его за воротник:

– Сейчас за эту ошибку мы тебя накажем! – и оба размахнулись для удара. Но вдруг услышали резкое и звонкое: "Стойте!".

Это Мишка сорвался с качелей и побежал к дорожке. Он пока не знал, что будет делать дальше, но и смотреть, как нагло и бессовестно обижают пожилого человека, он тоже не мог.

– Дедушку в покое оставьте! – крикнул Мишка, запыхавшись.

– Ты что, карапуз, страх потерял?! – возмущённо спросил один из парней.

Парни переглянулись друг на друга, ослабили руки и отпустили деда, выпрямились и с грозным видом пошли ему навстречу. То ли от растерянности, то ли от страха Мишка остался на месте. Он бросил вызов, и теперь это было делом чести – защита слабого.

Они подошли к нему, встали с двух сторон и, словно деревья, нависли над ним, поскольку были выше ростом.

– Мелочь, тебе что ли проблемы нужны?

– Какие же вы всё-таки уроды! – уже понимая ситуацию, Мишка решил высказать всё, что думает, чего бы это ему не стоило, поэтому даже плюнул на ботинок одному из них.

И тут последовал удар в спину, от которого Мишка пролетел на метр и упал на живот. Было больно, но он начал вставать. Уже когда Мишка встал на четвереньки, ему пнули по ноге, от чего он упал на бок. "Как же больно", – думал он, но не сдавался и стал вновь вставать. Новый пинок в бок был решающим, после которого он уже не мог подняться. Один из парней нагнулся и сказал, как процедил:

– Будешь знать, – после чего оба благополучно потопали вглубь парка и скрылись.

Мишка протянул руку и, как граблями, подтащил слой листьев под себя. Он лихорадочно думал: что с ним произошло, сможет ли он встать, как отреагирует мама... Вдруг он услышал шорох и почувствовал, что кто-то подошёл к нему. Но пока он не мог открыть глаза, чтобы посмотреть.

– Эй, малец, как ты? – знакомый голос прозвучал совсем рядом. Мишка его узнал, это был голос деда. Он открыл глаза и убедился: да, это был он.

– Давай встать помогу, – сказал дед и протянул руку. Мишка протянул свою, старик, взяв её крепкой хваткой, поднял его.

– Спасибо, – сказал Мишка.

– Это тебе, внучок, спасибо.

– А мне, деда, за какие заслуги?

– Как это за какие? Стар я, уже не могу сильно сопротивляться! Ох, откуда же они такие? Кто их этому учит?

– Я не знаю, а вы – ветеран войны? – спросил Мишка.

– Так точно! – бойко ответил дед, выпрямившись, словно молодой, а потом спросил:

– А тебя-то как звать?

– Меня Мишкой зовут. Раньше с дедом здесь гулять любил, а теперь нет деда ... Один я остался.

– Как так один? Сирота что ли? – спросил ветеран.

– Да нет, мама есть, бабушка, я имел в виду из мужиков!

Дед не стал дальше засыпать мальчишку вопросами и предложил Мишке:

– А что ты тут ходишь один, воздух пинаешь? Пойдём-ка ко мне, чаем с баранками угощу.

Мишка кивнул головой, а дед добавил:

– Только надо сначала тебя отряхнуть. Мишка стал быстро отряхиваться от листьев и земли, а старик помогал.

– А далеко вы живёте, дедушка?

– Да нет, за теми деревьями ...

Они пошли в указанную сторону. С рассказами дорога оказалась короткой, и минут через десять они стояли у деревянного дома.

В доме было чисто и опрятно. Дед провёл Мишку в комнату. Кроме дивана, в ней стоял шкаф, а на стене висели полки, целиком заставленные книгами. Перед книгами стояли чёрно-белые фотографии в рамках. Мишка стал разглядывать каждую. На них ветеран был молодым, даже не узнать. Дед периодически заходил в комнату, ставил стаканы и баранки на журнальный столик, который они придвинули к дивану.

Чай был разлит... Они сели рядом на диван. Мишка спросил:

– А как же Вас зовут?

– Ой, действительно, совсем забыл представиться. Я Максим Григорьевич, – они пожали руки друг другу.

– А где у тебя отец-то? – прожевав баранку, спросил Максим Григорьевич.

– Мама говорит, что его украли: но я уже не маленький, чтоб этому верить!

Слышал как-то, бабушка говорила маме, что у него кишка тонка. Я думаю, он испугался и убежал, когда узнал, что я скоро должен был родиться, – потом тяжело вздохнул, – но так не хочется в это верить!

– Храбрость, видать, досталась тебе от мамы, – хлопнув рукой по плечу Мишки и улыбнувшись, сказал дед.

– Мама у меня храбрая! – гордо улыбаясь, ответил Мишка.

Разговор шёл так же бойко, как пился чай и кушались баранки. Уже начинало темнеть. Оба чувствовали, что скоро надо будет расставаться, и поэтому дед сказал:

– Встань, закрой глаза и вытяни руку.

Мишка послушался. Максим Григорьевич подошёл к шкафу, открыл его и посмотрел на свой китель, на левой стороне которого висели медали в два ряда, а на правой – ордена. Чуть подумав, снял орден с кителя, подошёл к Мишке и вложил в его ладонь.

– Открывай!

Мишка открыл глаза, на ощупь уже понял, что вручил ему дед. Он раскрыл ладонь и прочитал надпись на ордене: "За личное мужество", после чего удивлённо сказал:

– Это же Ваша медаль, Максим Григорьевич, она Вам дана за подвиг...

– Не медаль, а орден, во-первых, а во-вторых, он мой, а я его хочу отдать тебе: ты храбро поступил, носи его, когда праздник или парад, ты заслужил!

– Спасибо, дедушка! – воскликнул Мишка и бросился обнимать деда. Максим Григорьевич прижал его к себе, а сам прослезился. А Мишка и вовсе ревел от счастья. Когда они отпустили друг друга, утирая слёзы, Мишка увидел ещё одну фотографию. На ней Максим Григорьевич стоял с женщиной, между ними был мальчик.

– А это Ваша семья? – указывая на фотографию, спросил Мишка.

– Да, – грустно ответил дед.

– И где же она теперь?

– Сын мой, Паша, направлен был в Афганистан, – вздохнул и продолжил, – где и остался... Долго мы с моей Анастасией Константиновной горевали, в итоге её сердце не выдержало и остановилось. Теперь живу один...

Мишка видел, как деду тяжело это говорить, тем более он сам теперь знает, каково терять близких, и спросил:

– А можно, я каждый день Вас буду навещать?

– Буду рад! А теперь беги домой, мама, наверное, потеряла уже.

– Так точно! – бойко ответил Мишка, отчего дед улыбнулся.

На сегодня они расстались оба счастливыми: за один вечер обрели друг друга внук и дед. Мишка бежал по тёмному парку, прижав к груди вручённый орден. Он не боялся, что мама его будет сильно ругать. Ему было что ей рассказать, он знал, что ему есть чем гордиться!

Дед, глядя в окно, долгим взглядом провожал Мишку, можно сказать, приёмного внука. Стоял и думал: "Да, времена жуткие, молодое поколение плохо воспитано... Ох, как много упустили! Как много потеряли!.. Вон какой малец подрастает. Этот уж точно настоящим мужиком будет. И не один ведь – такой".

Максим Григорьевич отошёл от окна, за которым сгущались осенние сумерки...

Поносов Виктор, г. Верецагино

Диалог с дочкой

(рассказ)

Странный диалог у меня с дочкой получился. Маму ребёнка я подменил на два часа, пусть немного шопингом развеется. Мыслимое ли это дело – целый день крутиться вокруг этого мелкого существа в ворохе пелёнок, памперсов, распашонок...

– Так, дорогой, «Котёнок» будет спать часа два, я мигом. Если что, звони сразу, – выдала последние указания жена.

Катя, в домашнем обиходе «Котёнок», мирно посапывала в своей кровати, раскинув руки «звёздочкой». Щелчок в замке входной двери, мы остались вдвоём. Время у меня есть, хоть книгу почитаю. Подкрался на цыпочках к кровати детской, убедиться хотел, что Морфей¹ её хорошо в объятиях держит. Ба, а глаза детские приоткрыты с хитрым прищуром:

– Папа, возьми меня на руки!

– Катя, ты уверена в этом? Тебе же спать надо сейчас!

– Возьми, говорю! Мне в кровати скучно. Возьми, а то плакать сейчас буду!

¹ У древних греков бог Морфей своими крылатыми объятиями вводил человека в состояние сна.

Взял «Котёнка» на руки, прошёлся по комнате и плюхнулся в кресло.

– Ну нет, так не пойдёт! Носи меня, а то кричать буду!

Поднялся с кресла, два круга по спальне.

– Неправильно носишь!

– А как правильно?!

– Папа, ты носи и покачивай меня!

Минуты не прошло, как поступило новое замечание:

– Мне скучно. Мама утром сказку про Колобка рассказывала, успела только до встречи с Зайцем, а потом меня срочно в ванную потащила. Расскажи, с кем ещё Колобок на дорожке встретится?

«О, Боже, это тот, которого по амбарам намели да по сусекам наскребли?!» - мысли судорожно забежали в моей голове.

– Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл, а от тебя, Зайца, нехитро уйти.... Вот тут мама закончила, а ты дальше давай рассказывай!

Слушала Катя внимательно и про Волка, и про встречу с Медведем. В трагической развязке при встрече с Лисой дочка сморщила лобик, сдвинула брови и заявила:

– Колобка жалко. Давай, мы его в живых оставим!

– Это как?!

– Очень просто, пусть Лиса проводит Колобка домой к бабушке с дедушкой!

Да, тяжело перевирать наш фольклор, сколько малышни на этой сказке выросло, а этой стрекозе «happyand»² подавай.

– Ладно, будь, по-твоему. Подошли Лиса с Колобком к дому, а на завалинке дед с бабкой сидят да кручинятся. Обрадовались, что Колобка-несмышлёныша Лиса домой привела. Колобка на окошко чтобы пыл свой путешественника остудил, а Лисе большой медовый пряник за помощь в поимке беглеца.

– Теперь складно получилось, и все довольны! Папа, я устала на спине, переверни меня!

– Хорошо, Катюш, давай так.

Положил её животиком на ладонь, гуляем, покачиваемся.

– Надоело, давай, покидай меня!

– Куда это покидай?!

– Папка, ты что такой глупый?! Вверх, конечно, покидай!

Сделал несколько маятниковых движений вверх-вниз.

² Happy end (англ.) - счастливый конец

– Пап, да не бойся ты, голову я хорошо держу. Мёртвую петлю немножко рановато, а вот просто вверх покидай! Где же мне ещё столько адреналину хапнуть?

Взял малышку на ладони и к потолку отправил, а моська её довольная, сама улыбается, всего-то один раз съёжилась от страха. Вот вы с мамой чем на досуге занимаетесь! Полётами! Весу в ребёнке всего пять килограмм, а руки быстро затекают.

– Всё, хватит! Давай, в другую комнату сходим, во двор посмотрим!

Поднёс её к окну, смотрит, как дети в песочнице играют, улыбается, ручками, как пропеллерами машет.

– Теперь на кухню, там из окна гнездо воронье видно, а ещё в это время воробушек прилетает на нашу берёзу...

Так, второй час на исходе в этих «скитаниях» по квартире. Руки не слушаются, затекают, спина ныть начала. Спасительный поворот ключа в замочной скважине – жена вернулась.

– И что ты её таскаешь?! – заглянула она через плечо.

– Да, вот рассказывает Катюшка мне, командует.

– Как рассказывает?!

– Глазами!

– Так спит же она!

И верно, глаза дочкины плотно закрыты, дыхания почти не слышно, мол, я уже давно сплю. Это для мамы, а для меня улыбка хитрая и довольная, мол, славно погуляли. Всё бы ничего, да только Кате два месяца завтра исполнится, а что потом будет, какие верёвки из меня в будущем вить будет?!

Попова Зинаида, с. Карагай

Красота не должна погибать

(рассказ)

Я хочу, чтоб жили лебеди... Неожиданно подкралась осень с пасмурной погодой, дождями, ветрами. Но чаще всего осень радовала солнечными днями, очаровательной природой лесов и полей. Лебеди с Нердвинского пруда засобирались в дальнюю дорогу, туда, где всегда тепло. Они на зиму улетали на юг. Но один молодой из них отстал от стаи: он очень устал. Внизу блестела чёрной лентой чужая река. Выбившись из сил, он камнем упал в воду. Слегка ушиб крыло. Река его встретила дружелюбно. И пока стоял октябрь, лебедь спокойно плавал, наслаждался окружающей природой.

Но тяжёлые думы его не покидали. Он был уверен, что спасёт его только небо или чудо. К сердцу подкрадывался страх. Лебедь развернул свои белые крыла, пытался взлететь, но увыл... «Один в поле не воин»,- подумал он. Уже по ночам начинало морозить, и льдинки сковывали камыши, где чаще прятался и обитал лебедь. «Скоро река встанет. Что я буду делать?» - с грустью думал он. А в конце ноября ударили сильные морозы. Птица растерялась, заметалась. Как спастись? Ответа не находил.

А этим утром Николай шёл через реку на работу к предпринимателю Русинову. Они с бригадой заготавливали лес. Вдруг он увидел лебедя и ахнул: «Как же ты, бедненький, застрял тут один? Ведь замёрзнешь. Что делать? Надо его как-то поймать. Спасти».

Но как? Он забился в зарослях камыша и оттуда не хотел выходить. А там лёд ещё не окреп до конца, кое-где проваливался даже под тяжестью птицы. И Николай не решился туда идти. Он вышел на берег, наломал веток и начал выгонять его оттуда. Лебедь перебегал с одного места на другое, но в руки не давался. Защищался как мог. «Бесполезно его сейчас ловить,- решил Николай.- Вот пойду обратно, тогда и поймаю». После работы он пошёл этим же путём, никому ничего не сказав. Вышел пораньше, чтоб темнота не застала. К своему удивлению, он увидел, что лебедь плавает в проруби и никуда не хочет бежать. И не метался, как утром. Он устал и просто доверился человеку, хотя эти птицы не очень дружелюбные, не отличаются особой лаской, потому что всегда защищают свою территорию. Лёд был ещё не крепок, трещал, и мужчина рисковал жизнью. Николай лёг на живот и тихонько стал отползать к берегу.

Он взял лебедя в руки, прижал к себе и, укрыв углом фуфайки, почувствовал дрожь. Так Николай появился дома с этой находкой. «А ну, смотрите, кого я вам принёс,- сказал он. Роза Валентиновна ахнула: «И где же ты его выловил? И что? Лебедь так просто сдался тебе?»- «Нет. Что ты, мне пришлось за ним побегать». Они укутали птицу старыми фуфайками, одеялом. Лебедь согрелся и уже часа через два-три начал шипеть и готов был ущипнуть своих спасителей. Первым делом его накорми и напоили. Целую буханку съел мигом. Эти добрые люди приняли его на зимовку, как члена семьи.

Сначала Вяткины - Мартышины держали лебедя дома, а потом перевели его в сарай и отгородили ему отдельное место. Ах, как хороша эта белоснежная королева, горделивая и умная, стройная, с удивительно красивой шеей и красным, как

морковка, клювом. Лебедь мысленно благодарил этих людей за своё спасение, видя, что здесь живут хорошие люди. В начале Приёмыш ел всё (так проголодался): хлеб, кашу, тёртую капусту... Потом он стал более разборчив в еде. Кроме пшеницы, ничего не хотел есть. Роза Валентиновна рассказывает: «Утром Коля рано встаёт, первым делом идёт проверять и кормить свою живность. Лебедь уже ждёт, когда его накормит хозяин. Николай разговаривает с ним, и тот ему отвечает что-то на своём языке." И когда хозяин уходил на работу, он махал ему крыльями. Иногда Николай приходил с работы навеселе. Это, обычно, бывает в получку.

– Он поужинает и сразу идёт к лебедю. И между ними начинается непередаваемая оживлённая беседа, понятная только им одним. «Ну здравствуй, Годя? Как тебе у нас живётся? Не жалуешься? Значит, всем доволен. Это хорошо. Да и ты нам понравился. Даже соседи приходят на тебя полюбоваться». Лебедь смотрел на своего спасителя своими умными глазами и будто всё понимал. Что-то отвечал ему на своём языке. Он стал ручным, даже разрешал погладить по крыльям.

Иногда Приёмыш выходил на улицу прогуляться по снежку, почувствовать русскую зиму. А у Вяткиных жил собачонок Дружок. Лебедь сначала шипел на него, а собака его встречала заливистым лаем. Но постепенно они подружились. И лебедь, осмелев, иногда даже воровал кусок хлеба у собаки. Пёс рычал, но уступал подруге: ведь они теперь друзья, надо делиться. Маленькой собачке лебедь казался большим белым кораблём, который на ходу шипит.

Вяткины так привязались к лебедю, что не знают, как весной, когда растает лёд, они будут с ним прощаться навсегда. Они душой срослись с ним.

Февраль, 2017 г.

Хамитова (Селеткова) Галина, п. Октябрьский

Цезарь. Злой охранник с весёлым нравом

(рассказ)

Отправились мы как-то в гости к тётке в деревню Осинцево. Подъехали к дому. Встречает нас во дворе цепной пёс.

– Может, постучим в окно, и нас встретят? - косясь на дворового охранника, говорю я.

– Да зачем беспокоить, так пройдем, пошли знакомиться с собакой, - шагнув вперед, ответил брат.

Собака вся чёрная, морда плоская, глаза круглые, губы отвисшие. В общем, порода такая, - на любителя. Пёс с любопытством смотрел на нас. Брат суёт ему руку к морде, ну и я за ним тоже даю понюхать свою руку.

– Ну, познакомились? Я пошёл! - сказал брат и прошёл мимо собаки в дом.

– Я боюсь её! - шепчет наша родственница.

– Давай, я буду заговаривать ему зубы, а ты потихоньку проходи, - говорю я ей. И начала:

– Какой ты красивый, хороший, как тебя зовут? Собака нас пропустила.

Сидим за столом. В разговоре спросили о собаке.

– О, это Цезарь! - с гордостью сказал хозяин.

– Это сторожевой породистый пёс, куплен за большую сумму зятем. А какой он злой!

И начал красноречиво, с вдохновением рассказывать о Цезаре, что никогда таких злых собак не видел, и приводит пример: деревенский мужик подошёл к дому поговорить с хозяином, так он, Цезарь, весь оцетинился, глаза налились кровью, рычит, чуть с цепи не сорвался!

Брат, сидевший напротив меня, начал меняться в лице: улыбка сползла, морщинки даже разгладились, побледнел. Да, думаю, как он испугался.

В этом месте я прерываю хозяина и говорю, что собака нас пропустила в дом.

– Как?! И никто вас не встретил? - хмыкнул с удивлением свояк. - Да, Цезарь чувствует добрых людей, знает, что вы свои, умная собака, - начал он заступаться за пса.

Когда мы вышли из-за стола, брат подходит ко мне и тихо, чтоб никто не слышал, говорит:

– Ты, чо, дура, совала руку в пасть собаке - оттяпала бы. А я глядя на тебя!

Может, брат за меня так испугался, что изменился в лице? Не знаю. Но Цезарь оказался добрым, радовал своих хозяев весёлым нравом.

Просто история

(рассказ)

Солнечные купола церкви. Железные кружевные ворота. Бело-голубые колонны. И... благоухание. Розы, разноцветные лилии. Побеленные кирпичики на клумбах. А вдоль дорожек – скамейки. Уютно и тепло.

На одной из скамеек – худенькая, статная, интеллигентная старушка. Увидев входящую в ворота церкви молодую женщину, она обрадовалась: «Ой, Оленька, встретились вот! Как муж? Как дети? Муж тебя любит, Оленька, все у вас хорошо будет. А я вот пришла сюда, сижу, вспоминаю. Тут же раньше клуб был, танцевали мы тут, молодые когда были».

И переносит память лет на 40 назад, в конец 60-х. В водной глади отражается диск Луны. Из клуба звучит музыка: Одна снежинка еще не снег, еще не снег, одна дождинка-ааа еще не дождь. А на танцплощадке кружатся пары - молодые, красивые. И кажется, жизнь бесконечна и так же легка и пьяняща, как и этот теплый летний вечер.

5 лет назад Ольгу положили в деревенскую больницу. С мужем отношения были сложные, и она скучала по дому. Рядом в палате лежала женщина. Уж очень не похожа она была на деревенскую. Одета интеллигентно, прическа модная. Разговорились.

«Я в Калининграде жила, муж военным был, увез меня туда. А потом муж умер. Дочь на север уехала с семьей, позвали и меня к себе. Квартиру продала, а тут – дефолт. На вырученные от квартиры деньги только угол можно было купить. Уехала на север и без квартиры, и без денег. Потом у дочери муж умер, а потом и она вслед за ним ушла. Сердце. Климат не подошел». Женщина помолчала, как будто бы перенеслась обратно на годы назад. «Внучка на севере осталась. А мне тоже на севере тяжело, здоровье шалить начало. Вот и перебралась сюда, на родину, здесь и умирать буду. Знакомая приютила, с ней вдвоем и живем».

Ольга представила, как две старушки сидят перед телевизором длинным зимним вечером. Одна читает Бродского, а вторая вяжет носок. Где-то далеко дети, внуки.... Очень далеко. А рядом потрескивают поленья в печи, да за окном подвывает ветер. «Олюшка, муж хороший у тебя, и детки славные»

Прошли годы. Не встречались больше женщины. И очень жалела Ольга, что адреса старушки не спросила. А с мужем через 5 лет они разошлись.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов.....	3
--------------------	---

ПОЭЗИЯ

<i>Анфалова Н. Мои земляки</i>	<i>4</i>
<i>Бабенко В. Памятник солдату-освободителю</i>	<i>4</i>
<i>Безматерных Р. Нарисую улыбку</i>	<i>5</i>
<i>Вяткина З. Маленький принц на планете людей</i>	<i>6</i>
<i>Гордийцева Н. Георгиевская лента</i>	<i>7</i>
<i>Дрозд Т. «Потоки грязи льются на Россию...»</i>	<i>7</i>
<i>Злыгостев А. «Как мало их, с кем мог поговорить...»</i>	<i>8</i>
<i>Зорин А. Пшеничное поле</i>	<i>8</i>
<i>Иванова М. Я всю Россию обниму.....</i>	<i>9</i>
<i>Каменских Н. «Луна, как апельсинка...»</i>	<i>10</i>
<i>Катаев Н. Четверть века назад развалился Союз.....</i>	<i>10</i>
<i>Кнушевицкий А. Делегируя слово</i>	<i>11</i>
<i>Конева Е. «Есть люди такие на нашей планете...»</i>	<i>12</i>
<i>Крашенинникова Н. Улетают птицы</i>	<i>12</i>
<i>Кустов В. Улыбается жук</i>	<i>13</i>
<i>Ларионова М. Старый пенёк.....</i>	<i>13</i>
<i>Мошева Д. Русь</i>	<i>14</i>
<i>Ошкурова И. Сохраним зелёный мир</i>	<i>15</i>
<i>Пегушин Ю. Сорока и Воробей (басня)</i>	<i>16</i>
<i>Пичкалёв М. «Представил я, что я не одинок...»</i>	<i>18</i>
<i>Ревенко Л. «Школа юнг после ГУЛАГа...»</i>	<i>18</i>
<i>Свириденков В. Добротою веет</i>	<i>19</i>
<i>Селезнёва Я. «Я видела сегодня седую старушку...»</i>	<i>20</i>
<i>Силина Н. Перед грозой</i>	<i>20</i>
<i>Тимшин В. Добрая книга</i>	<i>21</i>
<i>Урсова Э. Меня замуж не берут</i>	<i>21</i>
<i>Черемных В. Письмо сыну-солдату в Афганистан</i>	<i>23</i>
<i>Чечукова Н. «Осень как-то внезапно угасла...»</i>	<i>24</i>
<i>Шилов В. Нервы</i>	<i>24</i>
<i>Ширшева И. Летняя ночь</i>	<i>27</i>
<i>Шмырина Л. Письмо из прошлого</i>	<i>27</i>
<i>Шмырина Т. Пригублю вновь волшебное завтра</i>	<i>28</i>
<i>Якк С. «Не рой яму, себе хуже...»</i>	<i>28</i>

ПРОЗА

<i>Болотова Н. Варвара Степановна (рассказ)</i>	<i>30</i>
<i>Бояршинов В. Ондатра – зверь (рассказ)</i>	<i>30</i>
<i>Загорская Г. Разговор с духом леса (отрывок из книги «Сто двадцать</i>	

<i>дней без приказа, или Как дожить до завтра»)</i>	31
<i>Заморина Н. Именины у Полины (отрывок из повести «Сестрёнка»).</i>	35
<i>Мелехин С. Орден (рассказ)</i>	38
<i>Поносов В. Диалог с дочкой (рассказ).....</i>	43
<i>Попова З. Красота не должна погибать (рассказ)</i>	45
<i>Хамитова Г. Цезарь. Злой охранник с весёлым нравом (рассказ) ..</i>	47
<i>Ширинкина Е. Просто история (рассказ)</i>	49